

Литература и жизнь.

„Нигдѣ литература не является такимъ исключительнымъ проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ она — только частный случай культурнаго состоянія страны, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе равномерно распределены по всемъ отраслямъ національной жизни. У насъ этого соответствія нѣтъ, литература могущественно развивается у насъ при полной дремотѣ общественныхъ силъ и общественной инициативы. Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературы другихъ народовъ. Главная изъ нихъ та, что наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была кафедрой, съ которой раздавалось учительское слово. Съ такими словами обратился г. Венгеровъ въ 1897 г. къ своимъ слушателямъ съ кафедры петербургскаго университета.

Эти слова припомнились намъ теперь, когда мы стали глядѣть во слѣдъ старому году и подводить итоги.

Весь прошлый годъ литература наша не уставала повторять, когда то забытыя слова, не уставала призывать, не уставала выставять на всенародныя очи все то, „что мѣшаетъ людямъ спать“.

Передъ нашимъ взоромъ встаютъ, какъ живые „Три сестры“ Чехова, „Мѣщанинъ“ и „Трое“ Горькаго. Точно блѣдые призраки проносятся герои „Маленькихъ разказовъ“ Вересаева, точно строгіе судьи поднимаются со своихъ коекъ больные люди въ „Запискахъ врача“, и все они „воплощенной укоризною“ стоятъ „передъ отчизною“... „Душно намъ, душно намъ“ повторяютъ они, какъ у Гоголя мертвецы въ лунную ночь изъ своихъ могилъ, простирающіе стлывыя руки навстрѣчу живому человѣку.

Всѣмъ дѣлѣ, развѣ не мертвецы—все лица въ драмѣ Чехова „Три сестры“ не душно имъ въ затхлои и той провинціальной жизни? Какъ лица драмы“, и какъ уху эти два слова. „Три сестры“ въ которомъ живутъ, „Три сестры“, „Три сестры“—они не дѣйствуютъ—мечта... Стефанъ—а-же и

среди пустоты и мрака обывательской жизни,—этимъ тремъ сестрамъ, заживо погребеннымъ... Отчего-же онѣ не бѣдутъ въ Москву?—Онѣ не сознаютъ, что могутъ двигаться.

Вы помните трогательную исторію героини Золя въ „Лурдѣ“. Когда-то болѣзнь приковала ее къ одру. Молодая, любящая, прекрасная, она лучшіе годы лежала неподвижно въ своей постели и мечтала о жизни. Ея организмъ давно уже возстановился, она давно уже могла встать и дѣйствовать, но она не знала этого и увѣрена была, что уже никогда не встанетъ. Есть вѣра, которая горами двигаетъ, но есть вѣра, которая людей дѣлаетъ недвижимыми.

Такими недвижимыми являются „Три сестры“ Чехова. Весь трагизмъ ихъ судьбы заключается въ томъ, что онѣ, три сестры, самыя обыкновенныя, самыя заурядныя фигуры. Онѣ изображаютъ то, что „всегда бываетъ“.

„Три сестры“ и „Трое“ Горькаго такъ и напрашиваются на сопоставленія. Три сестры Чехова все на одно лицо. Мало того онѣ принадлежатъ къ одной семьѣ съ дядей Ваней Ивановымъ, „чайкой“... На лицахъ всѣхъ этихъ неудачниковъ—скука, отъ которой даже мухи мрутъ. Все они вычеркнуты жизнью за ненужностью и каждый изъ нихъ подъ конецъ своего пути или „бѣга на мбѣгъ“, чувствуетъ срашную усталость бездѣятельности, страстное желаніе „забыться и заснуть“. „Мы отдохнемъ, мы отдохнемъ“, слышится шепотъ, сквозь слезы. Дождь стучитъ въ стекла. Ночь заглядываетъ въ комнату и въ сердце, а тамъ все то же, все то же. И бѣднымъ сестрамъ и бѣдному дядѣ Ванѣ страстно, мучительно хочется смерти, потому что страстно, мучительно хочется жить.

Въ своемъ романѣ „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскій высказываетъ такую мысль: если бы захотѣли для каторжника изобрѣсти самую мучительную работу, то для этого стоило бы только заставить его толочь воду въ ступѣ или еще иначе безмысленно и бесполезно затрачивать энергію. Жизнь трехъ сестеръ и присныхъ имъ, является этой мучительно-безмысленной тратой силъ. Смотришь на сцену и кажется, что тамъ оживаютъ въ лицахъ послѣднія слова Щедрина: „Сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми сумерками. Въ сѣрбующемъ окрестъ болотѣ кишать и клубятся сѣрые гады, въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога словно усѣяна сѣрымъ пепломъ... Удручаютъ сѣрые тоны, но еще болѣе удручаетъ безмолвіе. Ни звука, ничего,—кромѣ печали погибели. И чѣмъ болѣе ужасаюсь въ это постылое царство, тѣмъ болѣе существомъ моимъ овладѣваетъ ступѣлой безнадежности, въ

которой все кругом застыло, онѣмѣло“.

Правда, и въ повѣсти Горькаго „Трое“ жизнь не улыбается, но трое не расплываются въ сѣрыхъ сумеркахъ. Каждый на свой ладъ,—этимъ они отличаются отъ однообразныхъ сестеръ Чехова,—возмущаются они противъ неурядка жизни. Одинъ Илья ненавидитъ этотъ неурядокъ и хочетъ создать порядокъ жизни личной. Другой—Грачевъ ненавидитъ этотъ неурядокъ—и хочетъ создать порядокъ жизни общественной. Третій—Яковъ сознаетъ этотъ неурядокъ, но ставить его на второй планъ; неурядокъ души—вотъ что его волнуетъ, мучитъ. Не результаты мысли, а процессъ мысли больше занимаетъ этого маленькаго мыслителя съ большою головою, глазами, уходящими подъ лобъ, и чахоточной грудью, въ которой бьется безхитростное, незлобивое сердце.

Въ сѣрой, заколдованной странѣ трехъ сестеръ нѣтъ живыхъ людей, нѣтъ живыхъ мыслей и чувствъ. „Родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ двадцатый вѣкъ“... Не то въ повѣсти Горькаго. „Когда Илья съ узломъ на спицѣ вышелъ изъ крѣпкихъ воротъ купческаго дома (послѣ смѣлаго протеста) ему показалось, что онъ идетъ издалека, изъ сѣрой и пустой страны, о которой онъ читалъ въ книжкѣ, и гдѣ не было ничего—ни людей, ни деревьевъ, только одни камни, а среди нихъ жилъ старый, добрый волшебникъ, ласково указывающій дорогу всѣмъ, кто попадалъ въ эту страну“... Этого добраго волшебника нѣтъ въ произведеніяхъ Чехова.

Мы не будемъ останавливаться подробно на повѣсти Горькаго. Скажемъ только что первая половина ея дышетъ такой жизнью, такой любовью къ жизни, какой намъ не приходилось встрѣчать въ литературѣ. Центральная фигура повѣсти — двойственный Илья — мало вноситъ новыхъ чертъ послѣ Оомы Гордѣева. Его родословная, его вызовъ всѣмъ и всему, его стремленіе заклеить пошлость и подлость, его ужасъ передъ пропастью жизни въ послѣднія минуты жизни—все это такъ напоминаетъ намъ Оому Гордѣева.

Если любой герой Чехова гибнетъ, уставши покоряться, то Илья, герой Горькаго, гибнетъ, уставши возмущаться.

Смерть Ильи—великолѣпный образъ всей его жизни. Послѣ того, какъ онъ дерзко бросилъ людямъ въ лицо свое презрѣніе, изъ презрѣнія къ нимъ крикнулъ имъ о совершенномъ имъ убійствѣ безъ стыда и безъ раскаянія, а съ глубокой ненавистью, онъ былъ отданъ „въ руки правосудія“. Но не вѣрилъ онъ, какъ вѣрилъ Раскольниковъ, въ спасительную силу страданія, въ человѣческую правду, и въ послѣдній разъ покорился.

— „Иди, иди!“—строго торопилъ его полицейскій.

Невыразимая словами, горячая, какъ раскаленное желѣзо, и острая, какъ ножъ, тоска впиалась въ сердце Ильи. Онъ прыгнулъ впередъ и побѣжалъ подъ гору изо всей силы, отталкиваясь ногами отъ камней. Воздухъ свистѣлъ въ его ухахъ, онъ задыхался, махалъ руками, бросая свое тѣло все дальше впередъ, во тьму... Все вокругъ Ильи,—дома, мостовая, небо,—вздрагивало, прыгало, лѣзло на него черной, тяжелой массой. Онъ рвался впередъ и не чувствовалъ усталости, окрыленный стремленіемъ не видѣть Петруху. Что то сѣрое, ровное выросло передъ нимъ изъ тьмы и повѣяло на него отчаяніемъ. Онъ вспомнилъ, что эта улица почти подъ прямымъ угломъ повертывается направо... Тамъ люди, тамъ схватить. Эхъ, лети душа!—крикнулъ онъ во всю грудь и, наклонивъ голову впередъ, бросился еще быстрѣе... Холодная, сѣрая, каменная стѣна встала передъ нимъ. Ударъ, похожій на всплескъ рѣчной волны, раздался во тьмѣ ночи. Онъ прозвучалъ тупо, коротко и замеръ“...

Илья разбился. Илья разбился физически о сѣрый камень домовъ. Но раньше разбилось его сердце, его стремленіе „къ чистой, хорошей жизни“, разбилось о сѣрую стѣну мѣщанской пошлости.

Разбилось его сердце, а все таки не покорилось.

Грачевъ, другъ Ильи, не разбился и не покорился. Онъ—единственный герой у Горькаго, нашедшій „свою точку“. „Съ высокихъ вершинъ науки можно скорѣе увидѣть восходъ солнца, чѣмъ среди обыденной сумятицы“. Грачевъ съ восторгомъ остановился передъ этими высокими вершинами науки. Мало того. Онъ не только остановился, онъ уже началъ свой крутой подъемъ. Илья видѣлъ пеструю жизнь и пестрыхъ людей, Грачевъ найдетъ единообразіе, послѣдовательность въ движеніи жизни—найдетъ людей, объединенныхъ однимъ чувствомъ, однимъ интересомъ.

Путь указываетъ Грачеву интеллигенція.

Горькаго не разъ обвиняли въ развѣнчаніи интеллигенціи. Мы не будемъ останавливаться на этихъ обвиненіяхъ. Скажемъ только, что въ послѣдней повѣсти Горькій выводитъ рядъ типовъ такъ называемой интеллигенціи и интеллигенціи въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Одни называютъ себя интеллигенціей потому, что одѣваются въ скюртку и перчатки, говорятъ по благородному и живутъ „чисто“.

Другіе интеллигенты—это тѣ огни, которые въ бурю, въ холодную стужу, въ непроглядную ночь служатъ маяками усталому, сбившемуся съ дороги путнику. Эти люди-маяки свѣтятъ

и грѣютъ, свѣтомъ своего знанія, теплотой своего сердца.

Вы помните, какимъ свѣтлымъ лучемъ взглянула интеллигентка въ ту темную яму, въ которую свалила жизнь Машу, Вѣру, Грачева, Илью, Перфишку, Якова... Мастерски, немногими штрихами очерченная фигура интеллигентки навсегда останется однимъ изъ лучшихъ образцовъ въ нашей литературѣ.

Появляется она въ повѣсти на минуту, но и за одну минуту она успѣваетъ, въ душномъ подвалѣ, какъ порывъ весенняго вѣтра, распахнуть запыленное окошко и освѣжить затхлую, удушливую атмосферу могилы.

Мелькнула она и исчезла и все перевернула въ жизни героевъ. „Исчезла, улыбаясь, точно маленькая сбрая тучка, освѣщенная лучами утренней зари. Товарищи (Илья и Грачевъ) смотрѣли вслѣдъ ей.. Рожи у обоихъ были торжественныя, хотя немножко смѣшныя. Потому Илья оглянулъ комнату и сказалъ, толкнувъ Машку:—Чисто? Тотъ тихо расмѣялся.—Н-ну, фигура!—Легко вздыхая продолжалъ Илья:—Какъ она... а? Какъ вѣтромъ все смела!—Вотъ—видалъ?—съ торжествомъ говорилъ Илья, взвивая жестомъ руки свои курчавые волосы.—Извинялась какъ, а? Вотъ что значить на-стоищій образованный человекъ, который всякаго можетъ уважить, но никому самъ первый не поклонится! Понимаешь?—Личность хорошая,—улыбаясь подтвердилъ Грачевъ.—Сколько времени пробыла она? Почти часъ, а какъ минута...—Звѣздой сверкнула, ха, ха!

— Н-да. И сразу все разобрала—кому, куда, какъ...

Травлей этой интеллигенціи никогда не занимался Горькій. Интеллигентъ Ежовъ, „разбѣденный рефлексіей“ и взваливающій свое бремя на плечи труждающихся и обремененныхъ, правда, убить Горькимъ въ романѣ „Ома Гордѣевъ“. Но интеллигентъ интеллигенту рознь. Порода лишнихъ интеллигентовъ—порода вымирающая, и въ лицѣ Ежова Горькій представилъ этотъ типъ.

Интеллигентка въ повѣсти „Трое“ стремится „впередъ безъ страха и сомнѣнья“. Не взваливаетъ она свое бремя на плечи обремененныхъ, а съ дѣтской отвагой принимаетъ бремя ихъ на свои плечи съ свѣтлой улыбкой, съ свѣтлымъ лицомъ.

Все наше несчастье въ томъ, что мы за деревьями не привыкли видѣть лѣса. Для насъ интеллигенція,—народъ—слова, въ которыя мы влагаемъ свое однородное содержаніе. Есть мужикъ и мужикъ, есть интеллигентъ и интеллигентъ. Можно любить возводить въ перлъ созданья одного и въ тоже время бороться противъ другого. Лишний человекъ Тургенева, рыцарь

на часъ Некрасова, „рыцарь добраго стремленія и безпутнаго житья“ навѣрное не входилъ въ ряды той интеллигенціи о которой писалъ самоотверженный интеллигентъ, рыцарь безъ страха и упрека Шелгунова: „Интеллигенція совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой она служитъ. Это—кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть; это—лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели. И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ“...

Мы еще вернемся къ повѣсти Горькаго „Трое“, поговоримъ о цѣлой галлерей намѣченныхъ авторомъ типовъ, новыхъ въ его творествѣ и новыхъ въ нашей литературѣ.

Теперь же намъ хотѣлось бы поговорить „О запискахъ врача“ Вересаева. Эти записки врача интеллигента вызвали цѣлую бурю въ средѣ врачей неинтеллигентовъ. По ихъ мнѣнію, общество оказалось въ роли нашей прародительницы Евы, а Вересаевъ въ положеніи змѣя, искусившаго плодомъ съ древа познанія добра и зла бѣдныхъ, больныхъ людей. Оказалось, что не только въ раю росли запрещенные плоды, растутъ они и на грѣшной землѣ и рвать ихъ строго воспрещается. Мы думаемъ, что Вересаевъ явился не въ роли змѣя искуителя, а въ роли интеллигентнаго врача-гражданина.

„Какъ жалкій трусъ онъ жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ вложилъ пытливые персты“...

Онъ поставилъ въ причинную связь больной организмъ индивида съ больнымъ организмомъ общества, прекрасно сознавая, какой грубой, возмутительной ложью звучать слова сытаго врача въ лачугѣ умирающаго отъ холода и холода нищаго, слова о томъ, что „нужно теплѣй укрываться“ и „здоровую пищу питаться“...

Врачъ гражданинъ ищетъ цѣлительныхъ средствъ не только противъ проявленій, не только противъ слѣдствій зла, но и противъ основныхъ причинъ зла.